

ИЗВЕСТИЯ — 1993. — 27 июля. — с. 7

Давид Самойлов

«в кругу себя»

Сидит Самойлов в кресле.
И говорит: «А есть ли?»

Давид Самойлов был из многих поэтов, у которых к поэзии как бы нечего и прибавить. Он жил не на виду, не обрастая легендами. И у памятника Маяковскому не выступал, и в боржских делегациях за рубеж не ездил. И государственным премиям не подвергался, и в Доме творчества получил место лишь один раз в жизни. Он не занимал очередь за чем бы то ни было. Просто писал стихи. Хотя к средствам публикаций долгие годы допущен не был. Не обижен был властями.

В общем, как еще давно сказал о нем Борис Слуцкий, был «широко известен в узких кругах». И там, «в узких», его бо-

готворили — и «правые», и «левые», и нищие интеллигенты, и вельможи из начитанных. И просто люди, которым вдруг случайно попало на глаза какое-нибудь его стихотворение.

Ну что о нем было ведомо? Обожаз бражничать с хорошими людьми, подписывал письма в защиту гонимых, прошел фронт в окопных хлябях. В общем-то анкетные данные. Подробнее мало что известно. А ведь Давид был удивительной личностью. Я его близко знал лет тридцать, дружили семьями. Во всяком случае, в моей жизни это был самый блистательный, самый мудрый человек. Не считите реверансом по случаю.

И вот произошел как бы первый прорыв в его существенную для нас жизнь. Вышла книга «Давид Самойлов. В кругу себя». (Вильнюс—Москва. «ВИМО». 1993 г.). Она знакомит нас, быть может, не с самым главным, но чертовски существенным его качеством — юмором.

Юмор Самойлова — это особая ниша в его творчестве. Нет, специально смешно он писал только для детей. Но ведь и самое трагическое его стихотворение заканчивается: «Война гуляет по России, а мы такие молодые!» Вы перечитайте еще раз это стихотворение. Какая же в нем ласковая усмешка над разудалым солдатиком. Над собой. Боже мой, он улыбался нам из болот Волховского фронта!

У Давида был сугубо самойловский юмор. Краткий и завершенный, как сонет. С подобной сдержанной иронией мне приходилось встречаться только в легендах об Анне Ахматовой и Арсении Тарковском. Кстати, с восторженных слов Давида. Собственно, остроумие есть оттачивание мысли. Было бы, правда, чего оттачивать. У Давида было. Как-то он усмехнулся: «Не отчаивайся, мы вовсе не произошли от обезьян. Мы просто многому у них научились».

Давид был в трудных отношениях с эпохой, но в легких — с людьми, свирепая от термина «простой народ». Однако с современниками не заигрывал. И уж на коленях стоять не умел — ни перед, отдадим ему должное, собственной персоной, ни перед властями, ни перед народом. Сказал ведь: «Народ — это население с амбициями». Сейчас особенно насущно звучит.

Его мудрость была инициализирована усмешкой. Не припомню его растерянности перед Временем. Эпоха его не заставляла врасплох. «Надо сохранять разум даже в тех обстоятельствах, когда он совершенно ни к чему». Вот это и есть Давид Самойлов! Сказано глубоко всерьез, но более мудрой усмешки не припомню даже у Ла-

рошфуко. А ведь тоже умел сказать.

Давид принимал саркастическое партнерство. Но с ним было трудно. Если кто-то не успевал на лету поймать, Давид Самойлович начинал пристально глядеть вдаль, постукивать пальцами по ближайшему предмету. И уходил спать, независимо от горы суток. Зачем же бесполезно тратить время, когда можно пойти и с пользой поспать? Поэт обожал вздремнуть. И знал в этом деле толк.

Я улыбаюсь при мысли, что Давид мог собрать эту книгу сам. Копить слетевшие с ума шутки? Да еще леньность-матушка! Впрочем, он обожал праздность именно потому, что к работе крепко был приучен. Однако юмор в круг данных обязанностей и обязательств входил лишь как интонация жизни. Он был у Давида как бы по другую сторону абзаца. «Не могу острить за плату. И хотя я долго жил, славу — пеструю заплату — смехом я не заслужил».

Одним словом, книге этой вовек не увидеть бы света, если бы не было у Давида Самойловича восторженного, благодарного «соглядатая» — Юрия Ивановича Абызова. Он-то, «приглядывая» за Самойловым, и собрал эту книгу. Ну у Гете был же Иоганн Петер Эккерман. А мы чем хуже? У нас вот тоже есть свой Юрий «Иоганнович».

Альманах «Весть», как бы приложением выпустивший эту книгу, грозит продолжит самойловскую тему. Думаю, так и будет. Ибо вершит это благое дело умный издатель, прекрасный поэт, самый любимый и лучший ученик Давида Самойловича — Георгий Ефремов.

С надеждой ждем дальнейших изданий самойловских откровений. Тираж этой книги — 5 тысяч экземпляров. Рекомендую приобрести.

Эдуард ГРАФОВ.

Фото Виктора ПЕРЕЛЫГИНА,
текст Давида САМОЙЛОВА.